

13.06.2012) ; *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 114.

⁴⁰ *Боднарчук О. М.* Советско-финская война в зеркале документов и воспоминаний её участников. URL: <http://2001.vernadsky.info/h1/w01005.htm> (дата обращения: 13.06.2012).

⁴¹ Цит. по: *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 123–124.

⁴² Там же. С. 124.

⁴³ Там же..

⁴⁴ *Степаков В.* Указ. соч.

⁴⁵ Цит. по: *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 125.

⁴⁶ *Степаков В.* Указ. соч.

⁴⁷ *Петров Н. В.* История империи «ГУЛАг». URL: <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava13.htm> (дата обращения: 10.06.2012).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Степаков В.* Указ. соч.

⁵¹ *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ: Собр. соч. (Малое собр. соч.) : в 7 т. М., 1991. Т. 5. С. 105.

УДК 355.257.72:94(571.1)

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛАГЕРЕЙ НКВД–МВД СССР ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Н. М. Маркдорф

Международный инновационный университет, г. Сочи

E-mail: nmmark@mail.ru

В данной статье рассматриваются основные материально-бытовые проблемы, решаемые Управлениями лагерей в годы Второй мировой войны и в послевоенное время, их влияние на динамику трудового фонда военнопленных и интернированных в западно-сибирском регионе. Автор приходит к заключению, что нерешенность этих вопросов привела к увеличению санитарных потерь, сокращению трудового фонда, низкой рентабельности лагерных отделений.

Ключевые слова: Западная Сибирь, военнопленные, интернированные, трудовой фонд, материально-бытовые проблемы.

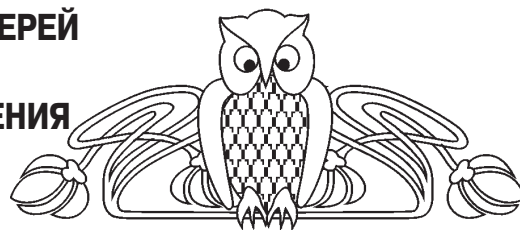
The Material and Living Conditions Problems of NKVD–MVD Camps in Western Siberia and Their Solutions

N. M. Markdorf

In this article discusses the basic material and conditioners problems of NKVD–MVD camps in Western Siberia and their solutions in World War II and the postwar period and their influence on the dynamics of the employment fund war prisoners and interned civilians in the Western Siberian region. The author concludes that the unresolved these issues were result of increased health losses, reduced labor fund, low profitability of the camps.

Key words: Western Siberia, prisoners of war, interned, working fund, issues of material and living conditions.

В период с 1943 по 1950 г. в Западной Сибири было создано 13 лагерей для военнопленных НКВД – МВД СССР, включая режимный лагерь МВД СССР № 464. Кроме того, на территории Кемеровской области с августа 1945 г. по октябрь 1949 г. дислоцировался отдельный рабочий батальон (ОРБ) № 1104 для интернированных гражданских лиц. Уже в начальный период войны руководство Кузнецкого угольного комбината дало указание всем управляющим трестов и шахт организовать специальные лагеря для заключён-

ных и военнопленных. Возведение зоны рекомендовалось завершить до 15 января 1943 года¹. Лагерь не могли своими силами возвести необходимое количество жилых построек, поэтому потребовалась финансовая помощь со стороны шахт и промышленных предприятий области².

В Тюменской области в январе 1943 г. всю работу по подготовке жилого фонда на базе помещений бывшей колонии для заключенных, выделенных по решению Обкома ВКП(б) хозяйственным организациям лесной и деревообделочной промышленности, Управление лагеря проводило форсированными темпами. Это был один из немногих лагерей, где наиболее успешно подготовились к приему контингента – выстроили 13 бревенчато-рубленых крытых тесом жилых бараков (площадью 5 973 м²), оборудовали их трехъярусными нарами и стационарными отопительными приборами или железными печами-временками. На каждом лагерном участке имелись банно-прачечный блок и дезкамеры стационарного типа, что выгодно отличало этот лагерь от других в Западной Сибири³.

В сентябре 1944 г. первые эшелоны доставили 4 286 военнопленных в лагерь № 199 в Новосибирской области⁴. Все лагерные отделения в период их организации располагали необходимым жилищным фондом общей площадью 14 859 м². Еще до прибытия пленных бараки оборудовали сплошными двухъярусными нарами, что позволило разместить весь запланированный контингент без нарушения приказа НКВД СССР о норме в два квадратных метра жилой площади на человека. Тем не менее зимой 1945 г. возникла потребность в ремонте и оборудовании помещений печами⁵. В отделениях № 1 и № 2 не успели завершить стро-

ительства бани, лазарета, дезкамеры, пищеблока, ремонтно-пошивочной мастерской, аптеки, морга, пожарного депо и гауптвахты. Их строительство планировалось закончить к началу зимнего сезона силами самих пленников⁶.

В июне–июле 1945 г. постановление ГКО о жилищном и культурно-бытовом строительстве в промышленных центрах Кузбасса за подписью В. М. Молотова обязало НКВД СССР направить в Кемеровскую область до 40 000 иностранных военнопленных и интернированных, и уже во второй половине 1945 г. лагеря Алтайского края приняли крупные партии пленников.

В первые годы руководство лагерей НКВД, как и администрация хозорганов, столкнулось с рядом трудностей. При спешном развертывании отделений не было возможности строить необходимое количество жилых помещений. Вновь прибывавший контингент превышал лимитную предельно допустимую численность лагерных зон. Особенно острым вопрос с жильем был в так называемых немецких лагерных отделениях Алтайского края, где скученность военнопленных была предельно допустимой. Например, в отделении № 1/511 (Рубцовск) в бараке, рассчитанном на 600 человек, было размещено 999 пленников⁷, остальные 600 человек до середины декабря 1945 г. жили в палатках при практическом отсутствии топлива. В лагерных отделениях № 2 и № 5 барнаульского лагеря № 128 контингент содержался в недостроенных бараках-полуземлянках, в антисанитарных условиях, без постельных принадлежностей. В лаготделении № 6 этого же лагеря Золотушинское рудоуправление поселило японцев в непригодных для жилья сырых полуземлянках⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась и в лагере № 36⁹.

Размещение людей в непригодных для жилья, недостроенных, не оборудованных нарами очень холодных помещениях способствовало ухудшению физического состояния ослабленного контингента. Плохие санитарно-гигиенические условия повысили массовую заболеваемость и смертность. Часть хозяйственных руководителей реальных мер к созданию нормальных жилищно-бытовых условий не принимала, тем самым не прилагая необходимых усилий к физическому сохранению контингента.

В феврале–мае 1946 г. в неблагоприятные по медико-санитарным показателям лагеря Новосибирской и Кемеровской областей и Алтайского края выехали бригады ГУПВИ МВД СССР. После проведенного обследования в Кузбассе из-за неподготовленности жилого фонда к зиме было закрыто 6 лагерных отделений, в которых содержалось 4 156 человек. Так, в феврале 1946 г. вследствие отсутствия нормальных бытовых условий для проживания людей было ликвидировано отделение № 3/525 при шахте «Дальние горы» треста «Кагановичуголь»¹⁰. В том же году по аналогичным причинам были ликвидированы

лаготделение № 11 и вторая зона лаготделения № 1/525¹¹. В лаготделении № 1/503 разместили 1451 человек в помещении для скота и овощехранилищах, а на подкомандировке – в неотапливаемых вагонах-временках. В зоне отсутствовал водопровод, подвоз продовольствия и топлива был затруднен, так как ближайшая железнодорожная станция находилась в 8 км от лагеря. В отделении № 1/526 ввиду отсутствия помещений пленные немцы размещались в вагонах. Не были отстроены баня, дезкамеры, прачечная, в результате чего военнопленные проходили санитарную обработку в коммерческой бане, и из их заработной платы вычиталось по 3 рубля за мытье. Из-за отсутствия водопровода и перебоев с транспортом отделение испытывало острую нехватку воды (на 50–60%). Строительство барачков по причине отсутствия средств у хозоргана законсервировали до весны. Большая скученность и антисанитария наблюдались в деревянных бараках отделения № 6/526 на станции Яя. Баня, лазарет, стационар размещались в недостроенных помещениях, и военнопленные пользовались поселковой баней¹².

Неподготовленность лагерей Кемеровской области и Алтайского края к зиме привела не просто к массовым (прежде всего простудным и легочным) заболеваниям и дизентерии, но и к распространению в ноябре 1945 – марте 1946 г. эпидемии сыпного тифа. Наиболее высокий процент заболевших приходился на лагерные отделения, в которых жилищно-бытовые проблемы решались достаточно медленно. Военнопленные, проработав 2–3 недели, снижали норму выработки с 50 до 15–10%. На отдельных шахтах выход сократился до 30–33%, а на подземных работах – до 20%, что поставило под угрозу срыва выполнение плана. Лагерь для военнопленных нуждались в дополнительных дотациях, однако хозорганы финансовую помощь, необходимую для ликвидации образовавшейся дебиторской задолженности, оказывали неохотно. На начало 1948 г. дебиторская задолженность хозорганов за выполненные военнопленными работы составляла 5 119 330 руб.

По итогам проверки начальники западносибирских УМВД края и областей провели совещания с начальниками лагерей. ОПВИ было дано указание разослать в хозорганы предупредительные письма о том, что, во-первых, они должны ликвидировать ненормальное положение во всех лагерных отделениях, где норма жилой площади на одного военнопленного составляла 0,95–1 м²; во-вторых, в случае не обеспечения ремонта жилых помещений на предприятиях будет оставлен лишь контингент, который возможно содержать по указанным нормам; в-третьих, хозорганам запрещалось использовать пленников для благоустройства зон сверхурочно; в-четвертых, руководство промышленных предприятий обязали выполнять директивные указания УМВД¹³. Решение этих задач могло бы существенно повысить эффективность трудового использования военнопленных

и интернированных, а значит, рентабельность лагерей.

Однако на основании анализа последующих приказов и директив можно констатировать, что вышеперечисленные проблемы имели место и в следующую зиму 1946–1947 гг. В частности, бараки в большинстве лагерных отделений Кемеровской области были подготовлены к зиме на 8,4–18%¹⁴. В Алтайском крае жилищные и санитарно-бытовые условия удалось частично улучшить с началом массовой репатриации военнопленных на родину. Весной 1947 г. из лагерей № 128 и № 511 было вывезено более 8 000 человек, что дало возможность руководству Алтайского тракторного завода расселить около тысячи немцев в одноэтажных каменных зданиях с двухъярусными нарами¹⁵. Ситуация коренным образом изменилась только к концу 1947 г., хотя проблема обеспечения лагерей топливом оставалась по-прежнему актуальной. Например, Алтайский тракторный завод и «Алтайсельмаш» вплоть до лета 1947 г. с лагерями № 128 (г. Барнаул) и № 511 (г. Рубцовск) Алтайского края не заключили договоров и категорически отказывались создавать переходящий запас топлива. Вследствие этого температура в жилых помещениях лагерей колебалась в пределах 4–8°С. На открытых участках не было оборудовано обогревательных пунктов, и результатом стали простои военнопленных и невыход их на работу. На этой почве между лагерями и хозорганами сложились «нездоровые» отношения¹⁶. В 1947 – январе 1948 г. трудовой фонд лагерей резко сократился, соответственно, увеличилось число оздоровительных команд и лазаретных больных. В 1945–1947 гг. доход от деятельности лагерей Западной Сибири был незначительным, а в 1947 г. лагерь № 199, № 503 и № 525 понесли существенные финансовые убытки, выразившиеся в сумме 13 482 руб.

Начальники ряда лагерных отделений вынуждены были самостоятельно изыскивать способы решения бытовых вопросов (нелегально перебрасывать пленных на другие объекты, использовать их на сверхурочных работах). Со стороны УМВД подобная практика поощрялась, хотя во имя, казалось бы, благих целей приводила к ухудшению здоровья контингента, лишая людей полноценного отдыха.

Часть недостатков в организации быта пленных можно было своевременно устранить совместно с руководством трестов и шахт. Однако руководители хозорганов и различных комиссий по проверке жилищно-бытовых условий контингента, сформированных руководством городских властей и партийных комитетов, на территорию лагерных отделений по распоряжению администрации не допускались¹⁷. В результате промышленные предприятия не приняли должного участия в мероприятиях по подготовке к зимним условиям жилых помещений в лагерях, заготовке и подвозе топлива, ремонте и строительстве

недостающих овощехранилищ и складов, бань, дезкамер, прачечных и сушилок. Руководство лагерных отделений до мая 1947 г. жилищно-бытовые вопросы решало самостоятельно¹⁸.

В соответствии с директивой МВД СССР за № 125 от 20.05.1947 г. и письмам Министерства угольной промышленности восточных районов СССР «О мероприятиях по подготовке к зиме 1947–1948 гг. жилых, служебно-хозяйственных помещений, завоза топлива, ремонта спецодежды и обуви, обеспечения военнопленных и интернированных немцев всеми необходимыми условиями содержания»¹⁹ и приказом № 85/с по тому же министерству от 18.06.1947 г.²⁰ началась совместная работа администрации предприятий и лагерных отделений. Первым шагом в осуществлении этой программы явились ликвидация в бараках сплошных 2–3-ярусных нар и замена их двухъярусными нарами вагонного типа и железными кроватями. Обеспечение военнопленных постельными принадлежностями и бельём в соответствии с постановлением Совета Министров СССР за № 828–338 от 13.04.1947 г. было возложено на органы МВД СССР²¹.

Отчет о готовности к зиме каждого объекта на территории лагеря принимался от хозорганов комиссией в составе начальника лагеря, его заместителя по режиму и охране и врача в соответствии с приёмодаточным актом²². В результате к осенне-зимнему сезону 1947–1948 гг. лагерь смогли подготовиться более тщательно, учитывая опыт предыдущих «голодных» зим. В каждом отделении отремонтировали бараки и хозяйственные помещения, провели водопровод, создали необходимый запас топлива, привели в порядок овощехранилища, в которые завезли достаточное количество овощей и картофеля²³.

Придавая важное значение вопросам трудоустройства военнопленных и создания для них нормальных жилищно-бытовых и производственных условий, Совет Министров СССР постановлением за № 3930–1338/с от 01.12.1947 г. закрепил за военнопленными, занятыми на подземных работах горнорудной промышленности и строительстве шахт, первоочередное обеспечение всем необходимым – спецодеждой, обувью, инструментом, жильём²⁴. Это решение было еще более конкретизировано в приказе МУП восточных районов СССР за № 19/с от 29.12.1947 г.²⁵ На протяжении 1948–1949 гг. температура в бараках уже поддерживалась не ниже +16°С. В жилых помещениях был наведен должный санитарный порядок, а контингент обеспечен тюфяками, подушками, постельными принадлежностями, а также одеждой, бельём и обувью. Было отлажено банно-прачечное дело²⁶.

Вещевым имуществом западносибирские лагерь обеспечивались Управлением военного снабжения МВД Западно-Сибирского округа. В течение 1944–1946 гг. полностью одеть военнопленных по сезону не представлялось возможным,

так как контингент прибывал одетым в летнее и к тому же ветхое обмундирование. Например, в четвертом квартале 1944 г. срочно потребовалось обеспечить 8 329 пленных в новосибирском лагере № 199 зимней одеждой, но обозно-вещевая служба к поиску такого количества полушубков, телогреек и особенно валенок готова не была²⁷. Только благодаря существенной помощи промышленных предприятий выход военнопленных на работы сорван не был.

Все лагеря в Западной Сибири испытывали острый дефицит теплых вещей – не хватало фуфаяк, валенок и теплых рукавиц. Работающие на воздухе почти не обеспечивались спецодеждой и спецобувью. На большинстве немцев была ветхая, грязная, давно не стирания одежда. С целью лучшей сохранности и увеличения срока службы теплой одежды начальникам лагерных отделений предписывалось весной ее у контингента изымать и выдавать только с наступлением холодов²⁸.

Практически во всех лаготделениях были открыты комбинаты, мастерские и цеха по изготовлению и ремонту предметов быта, кухонной посуды, инвентаря, инструментов, одежды и обуви. Деятельность этих производственных предприятий контролировалась руководством лагерей и регламентировалась приказами из центра и на местах. Однако ремонт обмундирования и обуви в 1945–1946 гг. выполнялся лишь на 26–54,4%²⁹. При постоянном дефиците полушубков и валенок в результате некачественного хранения часть зимней одежды приходила в негодность и подлежала списанию. Например, летом 1946 г. в лагерях Кемеровской области было активировано 42 т разного обмундирования.

Специальные инструкции содержали рекомендации по выпуску для военнопленных суррогатированной обуви из местного сырья и промышленных отходов. В зависимости от сырьевых возможностей изготавливали следующие виды обуви: чуни веревочные, сплетенные из отходов веревки или шпагата; лапти, сделанные из лыка и бересты; «босоножки» (деревянная подошва с ремешком); для более холодной погоды шили обувь на деревянной подошве с верхом из парусины, холста, старых кожаных изделий; из утильного ватного обмундирования мастерили толстые простеганные чулки и носки, к которым снизу пришивалась подошва. Дефицитная кирзовая и кожаная обувь выдавалась только в осенне-зимнее время и с наступлением весны в принудительном порядке изымалась для ремонта и лучшей сохранности³⁰.

На основании распоряжения МВД СССР за № 36 «Об обеспечении военнопленных обувью на период весенней распутицы»³¹ начальники лагерей были обязаны снабдить весь контингент исправной кожаной или суррогатированной обувью, однако случаи невыхода на работу пленных по причине отсутствия обуви не были редкими. В декабре 1945 г. из-за отсутствия обуви в лаготделении № 1/128 остались 450 немцев и японцев;

по иным причинам (не предоставленные вовремя объекты работ, низкотемпературные условия) незадействованными оказались 200 немецких военнопленных³². Зимой 1946 г. полностью разутые 250 военнопленных отделения № 9/525 в г. Сталинске не смогли выходить на работу в течение нескольких недель. Только благодаря помощи администрации шахты «Зыряновская» и использованию этой группы пленных на подземных работах удалось поправить положение. Несмотря на объективные причины, начальнику лагерного отделения за самовольное и несогласованное перераспределение рабочей силы пришлось объясняться с партийным руководством области и администрацией треста³³. В лагерной мастерской изготовили 1 200 пар суррогатированной обуви, но пленные всячески избегали ею пользоваться, так как она вызывала появление потертостей и мозолей, из-за чего контингент выходил из строя³⁴.

Обеспечение военнопленных в лагерях и на производстве обмундированием несколько улучшилось к началу 1947 г., хотя полностью преодолеть дефицит снабжения все же не удалось. Плохо поставленный учет вещевого имущества в лаготделениях, отсутствие опыта у руководства обозно-вещевых служб, а часто и просто недобросовестное отношение к делу со стороны снабженческого аппарата создавали весьма благоприятную почву для хищений. Например, за два года вещевого склад отделения № 17/525 обкрадывали четыре раза. На протяжении 1945–1946 гг. убытки по недостатку обозно-вещевого имущества в этом лагере составили 150 000 руб.³⁵ Аналогичные случаи хищения материальных средств были выявлены и в других лагерных отделениях.

В ряде лагерных отделений мастерские организовывались за счет сокращения вывода контингента на контрагентские работы без учета и контроля нарядов и счетов по выпускаемой продукции, зачастую ширпотреб изготавливался для нужд личного состава. В результате деятельности мастерских должной прибыли не приносила и не оправдывала затрат на их содержание. Во второй половине 1947 г. продукция мастерских была взята под строгий учет, а желающие пожить за казенный счет оплатили стоимость материалов и работы пленных в кассах лагерей³⁶. Часть расходных материалов, утраченных рабочими мастерских, подлежала списанию за счет государства. Сумма списанных с баланса материальных и финансовых средств исчислялась сотнями тысяч рублей³⁷, поэтому мастерские желаемого и реального дохода не принесли и тем самым ухудшили финансовое состояние лагерей, как было намечено, не могли. К тому же, как правило, в мастерские поставлялось изношенное, требующее ремонта оборудование³⁸.

Как самостоятельные производственные единицы создавались подсобные хозяйства. Большая часть продукции подсобных хозяйств шла на плановое снабжение контингента, определенная доля использовалась для улучшения питания

офицерского и вольнонаемного состава, а также самих рабочих и служащих подсобных хозяйств. В основном к организации подсобных хозяйств как решению важнейшей государственной задачи лагеря приступали в начальный период своей деятельности.

В апреле 1945 г. было выделено 400 га для сельскохозяйственных работ лагерю № 199 в Коченевском районе г. Новосибирска. Если в 1945 г. на подотчете хозяйства числилось 10 поросят, а сев был проведен с большим опозданием и получен исключительно низкий урожай, то в начале 1946 г. было приобретено 200 поросят, 130 голов крупного рогатого скота, 10 овец и 17 лошадей, и к началу 1947 г. лагерь имел прирост в 14 коров, 226 свиней и 20 лошадей. Было получено около 7 т мяса, 294 т зерна, и лагерь полностью рассчитался с государством по полученной на обзаведение хозяйством ссуде за 1944–1946 гг., обеспечив себя семенами, фуражом и продовольствием. На участке подсобного хозяйства были построены скотный двор, две жилые землянки, овощехранилище общей емкостью 350 т, зернохранилище на 50 т, ток-рига на 150 т, а также приобретено 3 трактора. Хозяйство принесло немалую прибыль и в 1947 г., благодаря чему лагерь получил продукцию для дополнительного питания личного состава и контингента³⁹.

Однако выросшее и окрепшее подсобное хозяйство лагеря было решено передать в ведение хозяйственного отдела областного УМВД под предлогом того, что УМВД имеет собственную базу для ведения хозяйства, в то время как лагерь ведет его примитивно⁴⁰. Все попытки начальника Управления лагеря № 199 отстоять свое хозяйство и обращения к УМВД успеха не имели.

В Кемеровской области ряд производственных лаготделений был образован только в августе-сентябре 1945 г., поэтому вплоть до весны следующего года создать собственные подсобные хозяйства они не смогли. Отсутствие помощи лаготделениям со стороны хозорганов, большая удаленность поставщиков продовольствия, острая нехватка транспорта приводили к постоянным перебоям в снабжении продуктами питания. По этой причине, например, на протяжении двух недель в январе 1946 г. весь лагерь № 525 оставался без мяса и жиров, а военнопленные питались горохом, мёрзлой капустой и картофелем⁴¹. Вопрос сезонной заготовки овощей рассматривался на уровне не только начальников управлений лагерей, но и высшего руководства МВД по Кемеровской области и был возведен в ранг государственной политической задачи. В результате осенью 1947 г. удалось достигнуть существенных успехов в сборе урожая, прежде всего картофеля и других овощных культур⁴², а в 1948 г. по заготовке картофеля лагерь № 525 занял первое место по Западно-Сибирскому округу⁴³.

В Тюменской области и Алтайском крае в 1946–1947 гг. подсобные хозяйства обеспечивали

продовольственные потребности лагерей почти на 40%. Лагерь № 93 ежегодно засаживал 26 га картофелем и капустой, создав из числа военнопленных специализированные бригады из лучших работников под контролем антифашистских комитетов. На подсобные работы направлялся и ослабленный контингент. В то же время охрана на участке была организована посредственно, а в число сельхозрабочих попали лица, склонные к побегам⁴⁴. Достаточно распространенным явлением стало отравление голодных сборщиков трав ядовитыми растениями, поэтому в лагерях приняли серьезные меры и ввели запрет на употребление в пищу незнакомой зелени. В лагерях Алтайского края был существенно перевыполнен план по посеву шестнадцати видов сельскохозяйственных культур. Эти меры позволяли во многом решать проблему с питанием и, соответственно, способствовали улучшению физического состояния военнопленных и интернированных.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Поступающих на протяжении 1943–1947 гг. военнопленных и интернированных в основном отличала низкая трудоспособность. В 1943–1947 гг. на рентабельность труда подневольного контингента существенным образом повлияла нерешенность хозяйственно-бытовых, санитарных, продовольственных проблем. К числу наиболее серьезных недочетов в бытовом и хозяйственном обслуживании контингента в целом относились:

- а) отсутствие теплых помещений при дефиците топлива;
- б) пропускная способность бань, дезкамер, прачечных, парикмахерских (или полное отсутствие таковых), не соответствовавшая лимитной численности контингента;
- в) острая нехватка зимнего обмундирования;
- г) отсутствие в достаточном количестве и ассортименте запасов продовольствия.

Наиболее неблагоприятными по жилищно-бытовым условиям и, как следствием, по медицинским и производственным показателям являлись лагерь Кемеровской области и Алтайского края. В 1943 – первой половине 1947 г., прежде всего ввиду несогласованности действий администрации управлений лагерей, хозорганов, областных УМВД, городской и партийной власти, жилищно-бытовые и снабженческие вопросы решены не были. Серьезным образом сказывались дефицит финансовых средств и экономические трудности в условиях военного времени и первых послевоенных лет. Труд военнопленных рентабельным не был, что существенным образом сказывалось на физическом состоянии пленных и интернированных, приводило к увеличению показателей санитарных потерь.

Вопрос деятельности подсобных хозяйств и мастерских по производству ширпотреба был возведен в ранг государственной задачи. Роль подсобных хозяйств в деле обеспечения военнопленных отдельными видами продовольствия (мясом, мо-

локом, картофелем, овощами) была значительной, особенно начиная с 1948 г., когда удалось отладить механизм их работы. Однако мастерские реально-го дохода не приносили и улучшить финансовое состояние лагерей, как было намечено, не могли. Во-первых, они были организованы за счет сокращения вывода контингента на контрагентские работы; во-вторых, не учитывались наряды, счета по выпускаемой продукции и доход при подведении финансовых итогов лагерей; в-третьих, списывались с баланса материальные и финансовые убытки, исчисляемые сотнями тысяч рублей. Эти нерешенные проблемы были предметом постоянных противоречий между управлениями лагерей (заинтересованными в материально-вещевом обеспечении контингента) и промышленными предприятиями (заинтересованными в максимальном привлечении и эксплуатации трудовых ресурсов).

Проведенные за 1948–1950-е гг. мероприятия по улучшению жилищно-бытовых условий, а также отлаженный медицинский контроль санитарного состояния и снабжения в лагерях способствовали стабилизации физического состояния контингента и явились существенным фактором сохранения и восполнения трудового фонда.

Примечания

- 1 Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р.–415. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.
- 2 Там же. Ф. Р.–395. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.
- 3 Там же. Л. 6.
- 4 Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 85–86.
- 5 Там же. Л. 19–20, 52–53.
- 6 РГВА. Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 8. Л. 33–35.
- 7 Там же. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 125. Л. 39.
- 8 Там же. Д. 347. Л. 25–28.
- 9 Там же. Д. 12. Л. 268, 392–393.
- 10 ГАКО. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 6. Л. 6.
- 11 Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. : Документы и материалы / сост. М. М. Загоруйко, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загоруйко. М., 2000. С. 251.
- 12 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 115–117.
- 13 Там же. Л. 134–136.
- 14 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 140–141.
- 15 Букин С. С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск, 2005. С. 45.
- 16 Информационный центр Главного управления внутренних дел Алтайского края (далее – ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 114–116.
- 17 ГАКО. Ф. П.–75. Оп. 2. Д. 205. Л. 72.
- 18 Там же. Ф. Р.–454. Оп. 1. Д. 67. Л. 119.
- 19 ГАКО. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 22. Л. 87.
- 20 ГАКО. Ф. Р.–456. Оп. 1. Д. 34. Л. 220.
- 21 Там же. Л. 230; Оп. 4. Д. 39. Л. 165.
- 22 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 4. Д. 36. Л. 225.
- 23 Там же. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 22. Л. 140; Ф. Р.–248. Оп. 3. Д. 7. Л. 129.
- 24 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 4. Д. 43. Л. 356, 387.
- 25 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 1. Д. 49. Л. 59.
- 26 Во второй половине 1948 г. были ликвидированы лагеря в Новосибирской и Тюменской областях и Алтайском крае.
- 27 РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 45.
- 28 Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. : Документы и материалы. С. 393–395.
- 29 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 134–135.
- 30 Там же. Л. 378–379.
- 31 Там же. Л. 419.
- 32 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 1. Д. 23. Л. 31.
- 33 Там же. Ф. П.–75. Оп. 2. Д. 3. Л. 61–62.
- 34 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15 а. Д. 17. Л. 135.
- 35 Там же. Д. 352. Л. 41.
- 36 Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 7. Д. 7. Л. 31–32.
- 37 Например, с марта 1946 г. по февраль 1947 г. в лагере № 503 сумма убытков в мастерских ширпотреба, в результате хищений, внепланового расходования средств и материалов составила 31 785 руб. 91 коп. См. ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 9. Д. 4. Л. 56–59.
- 38 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 2. Д. 2. Л. 169–170.
- 39 РГВА. Ф. 1п. Оп. 13з. Д. 12. Л. 64–65.
- 40 Там же. Л. 67.
- 41 ГАКО. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 6. Л. 38–39; Ф. П.–75. Оп. 2. Д. 3. Л. 61–62.
- 42 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 8. Д. 2. Л. 17–18.
- 43 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 19.
- 44 ИЦ ГУВД ТО. Ф. 27. Оп. 20. Д. 11. Л. 140–141.